

ДИАНА КУРАМШИНА

ТУМАН
ВОИНЫ

Диана Курамшина

Туман войны

«Автор»

2022

Курамшина Д.

Туман войны / Д. Курамшина — «Автор», 2022

Грохот пушек, чёрный от гари дым, воздух наполненный запахом крови. Вот что окружает героиню со дня вторжения французов. Как врач, она считает своим долгом быть рядом со сражающейся армией и спасти людей по мере своих сил. Продолжение истории Анны.

© Курамшина Д., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Диана Курамшина

Туман войны

Пролог

15 (27¹) июня 1812 года

Вечерело. Духота понемногу спадала, даря прохладу. По постепенно темнеющему небу медленно плыли небольшие облачка, словно и на их движение влиял удушающий зной. Слабенький ветерок принёс хоть какую-то свежесть от текущей рядом мелкой речушки. Вокруг вились насекомые, обрадованные уходом жары, и их жужжание почти заглушало шум разбиваемого рядом лагеря. На земле тоже что-то непрерывно стрекотало и пощёлкивало. Запах свежескошенной травы перебивал даже стоящий вокруг лошадиный дух и другие «соответствующие» бивуаку ароматы.

Невысокий темноволосый мужчина в расстёгнутом синем гвардейском мундире, белых лосинах и высоких сапогах стоял на небольшом пригорке, заложив руки за спину, и отстранённо смотрел на расположенный невдалеке город. Он уже настолько привык постоянно скрывать свои эмоции от окружающих, что свита старалась теперь угадать его настроение по малейшим нюансам движений. Сейчас же, повинувшись взмаху руки, они отделились, давая ему почувствовать хоть какую-то уединённость. И хотя ни один мускул так и не дрогнул на лице стоявшего человека, раздражение постепенно затапливало его разум.

Злился он только на себя... ведь тогда, узнав от преданных людей, что Александр находится здесь, рванул к этому городу, не давая роздых ни людям, ни лошадям.

И вот... стоял, можно сказать, «у стен Вильно» и понимал: «его» тут нет. Просто нет. Завтра город будет взят, а причина такой поспешности благополучно исчезла. Император Франции вообще не понимал, зачем кинулся в эту погоню. Ведь по плану Эжен² будет переправляться только завтра. И не удержался от тихого вздоха.

План... да. Имелся чёткий план и долгая подготовка к этой восточной кампании. Организация была поставлена строго и лично им контролировалась на всех этапах: сборы оружия, войск, продовольствия, фуража... Всё было разработано, выверено и действовало как хорошо отлаженный механизм любимых часов. А главное, были потрачены колоссальные деньги, которые нужно было чем-то окупать. Противник явно понимал смысл всех этих приготовлений, но почему-то ничего не предпринимал. И это было до крайности странно...

Согласно плану, тут должна была состояться блестящая и приятная военная прогулка, как множество уже им совершённых, рассчитанная дней на двадцать, не более. Произвести несколько так любимых им крупных сражений и завершить всё виртуозным «принуждением к миру» с выгодными для Франции условиями. Ну... может, с немного унижительными для Александра. Всё-таки он не забыл эту его оскорбительную выходку с сестрой...

Ведь тогда, в Тильзите³, российский император действительно обрадовался его заинтересованности в великой княжне. Такого тот просто не ожидал и не смог скрыть свои истин-

---

¹ 15 июня по старому стилю, 27 июня по-новому. В дальнейшем даты будут указываться по старому стилю.

² Эжен де Богарне – (1781–1824) пасынок Наполеона, вице-король Италии. Единственный сын первой жены Наполеона Жозефины де Богарне. После брака его матери с Наполеоном Бонапартом в 1796 году был усыновлён отчимом вместе с сестрой Гортензией. В 1812 году командовал 4-м (итальянским) пехотным корпусом Великой армии.

³ 13 (25) июня 1807 года императоры Наполеон и Александр в Тильзите (ныне город Советск в Калининградской области) встретились в крытом павильоне, поставленном на плоту посредине реки, и около часу беседовали с глазу на глаз. Там же

ные чувства, ведь породниться было хорошей идеей. Но позднее почему-то отказал Талейрану, когда через него Наполеон решил просить руки его сестры, Екатерины. Нет... конечно, сейчас он очень доволен Марией-Луизой⁴, та родила ему долгожданного официального наследника, которого так и не смогла подарить любимая женщина. Впрочем, все сомнения в его мужской состоятельности отпали ещё с Марией Валевской, но и об их сыне Александре он позаботился достойно. Его как отца совершенно не в чем упрекнуть! Он даже хорошо пристроил всех усыновлённых им детей Жозефины, устроив тем выгодные браки. Бонапарт кивнул в такт своим мыслям.

Впрочем, главным достижением своей жизни он считал созданную армию. Себя же в ней – великим полководцем и стратегом, не знающим равных не только в бою. В войсках его боготворили, старались любым способом попасться на глаза. А быть отмеченным императором почитали за счастье. Люди бросались в самое пекло сражения, шли на отчаянный героизм, пытались превозмочь себя... всё для него и его победы!

Речь, произнесённая им пять дней назад, вызвала ни с чем не сравнимое воодушевление и восторг солдат.

22 juin 1812...

Soldats! La seconde guerre de la Pologne est commencée. La première s'est terminée à Friedland et à Tilsit. A Tilsit, la Russie a juré éternelle alliance à la France et guerre à l'Angleterre. Elle viole aujourd'hui ses serments. Elle ne veut donner aucune explication de son étrange conduite, que les aigles françaises n'aient repassé le Rhin, laissant par-là nos alliés à sa discrétion.

La Russie est entraînée par la fatalité! Ses destins doivent s'accomplir. Nous croirait-elle donc dégénérés? Ne serions-nous donc plus les soldats d'Austerlitz? Elle nous place entre le déshonneur et la guerre. Le choix ne saurait être douteux. Marchons donc en avant! Passons le Niémen! Portons la guerre sur son territoire.

La seconde guerre de la Pologne sera glorieuse aux armes françaises, comme la première. Mais la paix que nous conclurons portera avec elle sa garantie, et mettra un terme à cette perpétuelle influence que la Russie a exercée depuis cinquante ans sur les affaires de l'Europe.

(*22 июня 1812 года...

Солдаты! Вторая Польская война началась! Первая окончилась в Фридрихсберге и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась быть в вечном союзе с Францией и в войне с Англией; ныне она нарушает свои клятвы! Она не желает дать никакого объяснения в странных своих поступках, покуда французские орлы не отойдут за Рейн и тем не покинут своих союзников на её произвол.

Россия увлечена роком. Судьба её должна свершиться. Не думает ли она, что мы переродились? Или мы более уже не солдаты Аустерлица? Она поставляет нас между бесчестьем и войной. Выбор не может быть сомнителен. Идём же вперёд, перейдём Неман, внесём войну в её пределы.

Вторая Польская война будет для французского оружия столь же славна, как и первая; но мир, который мы заключим, принесёт с собою и ручательство за себя и положит конец губительному влиянию России, которое она в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы.)

был подписан мирный договор.

⁴ Мария-Луиза Австрийская (1791–1847) – дочь императора Священной Римской империи Франца II, ставшего в 1806 году императором Австрии Францем I. Вторая супруга Наполеона.

Император был доволен. Воспоминание об огромном войске, которое внимало ему и готово было по первому приказу крушить неприятеля, бессознательно побудило выпустить скупую улыбку на лицо. Это действительно был славный и значительный день. Военная музыка, звучащая со всех сторон, делала происходящее красочным и шумным. Пёстрая, многонациональная толпа, одетая в цвета и форму почти всех народов Европы, которая любила своего полководца, верила ему и была готова идти за ним! Масса людей, которая кричала: «*Vive l'Empereur!*» (*Да здравствует император!) только издали, завидев его фигуру. Действительно, народная любовь к нему велика!

Настоящая *La Grande Armée* (*Великая Армия)! Он завоюет мир и оставит в наследство детям огромную империю. С этой почти полумиллионной лавиной и не могло быть по-другому.

Но улыбка уже испарилась, как вода на этой удушающей жаре. Наверное, потому, что мужчина вспомнил переправу...

Русло Немана в том месте, близ крепости Ковно, было самым удобным. Первыми на ту сторону вызвались переправиться триста поляков тринадцатого полка... ещё одна попытка выслужиться перед ним. Уланы вообще не встретили никакого сопротивления, постепенно заполняя противоположный берег. Только вдалеке то появлялись, то исчезали казачьи отряды, отслеживая происходящее.

Перед его взором тогда простиралась пустая буро-жёлтая земля с чахлой растительностью и лесами у горизонта. Император объезжал прибрежную полосу реки, пытаясь понять, что может предпринять противник, чтобы остановить их. Неожиданно конь взбрыкнул. Обнаружив себя на земле, Наполеон был ошеломлён. Как оказалось, между ногами его скакуна просто пробежал заяц, потревоженный большим скоплением народа, и конь испугался.

За свои походы император сменил немало⁵ лошадей. Всё же... надо было взять с собой Визиря. Уж этот жеребец, прошедший с ним многие сражения, никогда бы не позволил себе подобного. Просто... на конюшне решили, что Визирь уже слишком стар для новой кампании. Можно приказать оседлать утром любимого Маренго, но тот как раз восстанавливается после ранения. Селим же молод, горяч и полон сил, однако воспитывать его, кажется, придётся в дороге, что вполне грозит разными неожиданностями.

Наполеон вообще бы не вспомнил об этом нелепом инциденте, так как совершенно не пострадал при падении, но распростёртое на земле тело императора было воспринято окружающими как дурное предзнаменование. Кто-то даже воскликнул: «Плохое предвестие! Римляне не перешли бы через реку!» Пришлось тут же взобраться в седло и навести порядок начиная с собственной озабоченной свиты.

Уже в дальнейшем переправа была испорчена проливным дождём и сильной грозой, промочившей всех до костей. Это оказалось феерическим зрелищем... тысячи людей, животных, телег и орудий, подсвечиваемые всполохами молний. Все остановились, дожидаясь окончания буйства стихии, как затаившийся в период бури зверь.

Император не верил ни в какие зловещие признаки. Как всегда во время войны он словно оживал и был гораздо бодрее. Начиналась самая грандиозная из его кампаний. Может быть, из европейской она стала бы азиатской... император всё ещё мечтал об Индии⁶. Как вариант, намечалось, что передвижение закончится в Смоленске и продолжится на следующий год походом на Москву или Петербург. Предполагалось несколько вариантов, исходя из ответных действий российского императора. Бонапарт обсуждал это много раз со своими маршалами, планируя наступление.

Наверное, именно растерянность войска после падения с лошади и повлияла на него, когда, получив от польских дезертиров из улан русской армии информацию о том, что Алек-

---

⁵ По данным историков, у Наполеона за всю жизнь было около 130 коней.

⁶ По одной из версий историков, Наполеон хотел быстрого мира, чтобы ему предоставили проход в Индию.

сандр танцует на балу в Вильно, он, бросив часть армии на переправе, помчался сюда. Зачем? Он сам не знал ответа на этот вопрос.

Естественно, быстро достичь города не удалось. Фуражисты и маркитанты, задвинутые в самый конец этого столпотворения у реки, ещё даже не приблизились к переправе, хотя всё было заготовлено заранее. Теперь же из-за стремительного продвижения войск они вовсе остались без провианта. Как люди, так и лошади.

Это приводило к совершенно невероятным вещам. Солдатам приходилось останавливаться заранее и косить траву – совершенная нелепость, этим приходилось заниматься даже офицерам. Естественно, легионеры больше портили её, чем использовали для прокорма своих четвероногих друзей.

С человеческой едой было и проще, и сложнее одновременно. Если удавалось договориться, продукты покупали, но чаще всего население просто грабили. Никто на это спокойно смотреть, естественно, не собирался, что приводило порой к кровавым стычкам и недовольному ропоту простых людей. Нет, конечно, сам он этого не видел, но ему доносили.

Происходящее вызывало глухое раздражение. Пришлось даже запретить мародёрство указом по армии. Казни за подобное осуществлялись по всему пути следования, и император предполагал, что, когда город будет взят, они только увеличатся. Потому было предпочтительней договориться с местными.

Радовала только природа этого края, её красота пленяла глаз. В обе стороны от дороги то колосились хлебные нивы, то вырастали живописные сады, полные фруктов. Вдалеке – то тут, то там – открывались величавые дома землевладельцев.

Великолепный лиственный лес, который они проезжали по хорошей дороге, совсем не соответствующей «дикой стране», вызывал только восторг. Лежащий же впереди город вообще больше напоминал Саксонию или Померанию. Недаром поляки так жаждут заполнить эти земли.

Бонапарт шумно выдохнул. Кампания началась совершенно не так, обнажив странные проблемы, о которых они даже не задумывались при планировании. И эти самые проблемы привели к потерям, хотя войска ещё ни разу не встретили сопротивления на всём пути следования. Потери, которые никто не мог даже предположить.

Как бы это ни было постыдно, но с начала наступления армию преследовал банальный понос, с которым лекари никак не могли справиться. Его brave кавалеристы просто были не способны сесть в седло, не говоря уже о чём-то более внушительном. Медики утверждали, что во всём виноваты жара и местная вода.

Благодарение Господу, его личная гвардия избежала подобной участи. В приказном порядке им вменялось пить только воду, разведённую вином или уксусом. Что удивительно, избежали подобного бедствия только поляки. Весь остальной «цвет Европы» усиленно боролся с собственным недержанием.

Но и лошади не ушли далеко от солдат в этом «пахучем деле». Так как обоз банально не поспевал за ними, то, не получив ни сена, ни овса, животные набили себе оскомину от свежей травы, что тоже приводило к проблемам с их желудком. Поэтому некоторые пали, дав, конечно, пищу бойцам, но затормозив движение даже такой малой части войска.

Император с тревогой думал о том, как подобное отразится на армии в целом, учитывая нахождение такого количества солдат на сравнительно небольшой территории.

Проблемы провианта и болезни стоило решить здесь и сейчас. Хорошо бы ещё, наконец, увидеть неприятеля и получить долгожданное сражение. Шпионы доносили о нескольких таких возможностях. Но пока было не до этого.

Завтра он войдёт в город и заставит ответственных решать вверенные им задачи. Он всегда это умел: правильно распределять и людей, и проблемы. Это тоже было сродни плану битвы и стратегии победы, которые нужно разработать и рассчитать.

Скорее всего, в Вильно придётся задержаться и дожидаться остальной армии. Он не боялся нападения, хотя в дороге иногда замечали группы противника. Нет. Ему нужно подобрать растянувшийся «хвост» и собственные лазареты.

А учитывая донесения о том, что отходящий вглубь страны противник уничтожает свои склады, жизненно необходимо дождаться обоза с провизией и создать дополнительные команды фуражистов. Их следовало отправить вне дорог, занимаемых центральной частью войска.

А после этого... он сможет вернуться к первоначальному плану. Немного переработает в соответствии с обнаруженными проблемами и продолжит эту кампанию более подготовленным.

Даже если он потратит на это всё лето, оно того стоит.

Глава 1

3 июня 1812 года

Лето 1812 года ожидалось очень жарким. И если одни определяли это по цвету неба, полётам птиц и траве, то другие опирались на политическую и военную обстановку на границе империи. И хотя и те, и другие были правы, жизнь продолжалась. Все занимались привычными делами и заботами.

Последние полгода каждую среду Екатерина Петровна устраивала небольшой ужин для близких друзей. И так как это происходило не в имении, где размеры парадной залы позволяли принимать большое количество гостей, а в городском доме, никто не обижался, если на этой неделе к нему не приходило приглашение. Уж раз или два в месяц гостями они всё-таки становились.

Одним из главных удовольствий вечера, естественно, помимо отменно приготовленных блюд, считалась игра и пение Марии Фёдоровны. Прочувственное исполнение некоторых романсов приписывали недавней неудачной любовной истории. Злые языки рассказывали какие-то совершенные небылицы, но сама Мария всегда встречала входящих радостной улыбкой, ни в коей мере не выказывая никакого расстройства.

Как-то несколько случайных людей, попавших на ужин, попытались узнать имя великопного повара, готовившего столь изысканные яства. Они явно ожидали увидеть какого-нибудь иностранца и были удивлены появлением старой недовольной Матрёны, которой пришлось явиться в залу.

Потому как главным секретом «высокой кулинарии» был Павел Матвеевич Рубановский, иногда пропадавший на кухне Гурских, объясняя процесс приготовления «заморских» блюд. Особо ему нравились всевозможные «салаты» и «подливы к мясу», неизменно вызывавшие восторг у гостей. Это не говоря об обилии рецептов из картофеля, что радовали нас в постное время. Но даже для подобных вечеров у него нашлось несколько совершенно невероятных по оформлению и вкусу новшеств.

Естественно, об участии господина Рубановского в создании *haute cuisine* (*высокая кухня) не упоминалось, ибо сие совершенно не *comme il faut* (*неподобающе) для дворянина.

Без сомнения, сам Павел Матвеевич неизменно присутствовал на ужине каждую среду. Впрочем, он появлялся почти каждый день, если не был в отъезде по делам. А их с приближением лета становилось всё больше.

Одними из сегодняшних приглашённых были Аким Петрович Исупов с супругой. Тот, как вице-губернатор Могилёва, нечасто мог посещать подобные вечера, но будучи обязан этому семейству здоровьем, а скорее и самой жизнью единственного сына, пытался, по крайней мере, раз в месяц наведываться. Хотя получал приглашения регулярно.

Последнее время в губернии было неспокойно. Ходили различные слухи, один нелепее другого. Государь уже как месяц находился со свитой в Вильно в связи со скоплением огромного количества войск на границе. Но ни план нападения, ни план обороны так и не были приняты. Все ждали... только непонятно чего.

Александр не принимал управление войсками, поминая количество поражений, произошедших из-за его вмешательства, но и не подписывал никакие прожекты, всё ещё надеясь свети всё к миру.

Однако князь Багратион постоянно писал графу Толстому, что тому не о чем беспокоиться. При всём том, что город имел большое количество военных и медицинских магазинов, и они никуда не вывозились. Таким образом, никаких подготовительных действий не пред-

принималось. Вследствие чего Аким Петрович старательно, как мог, успокаивал высший свет губернии и вынужден был выслушивать массу претензий.

Многие же, наоборот, с нетерпением ожидали прихода французов, мечтая опять соединиться с Польшей. Они подчёркнуто радостно обсуждали подобные новости. Вероятно, с той стороны реки были полностью в курсе всего происходящего.

Противоречивые идеи просто витали в этом рано начавшемся лете.

Естественно, разговор за столом снова свёлся к политике.

– Во всём виновата масонская ересь, что занесли сюда в обилии иностранцы! – случайно захвативший в гости и оставленный на ужин господин Славинский был ярким противником тайных обществ.

– Почему сразу масоны? – дожёвывая салат, изумился господин Исупов. – Уж поверьте мне, в России расплодилось огромное количество всевозможных организаций. Иногда такое чувство появляется, что они там новые ежедневно открывают.

– Всё же, господа, я просто убеждён: если бы не Англия с её неумной жадностью, ничего этого бы не было. – Один из гостей, полноватый и страдающий одышкой Андрей Борисович Шелепин, приехавший вместе с Николаем Андреевичем Славинским, тоже не остался в стороне от разговора.

– Континентальная блокада, будь она неладна, никому не приносит пользы. Говорят, даже сами французы частично от неё страдают. Но... *Noblesse oblige* (*положение обязывает), как говорится. И вот, нам тоже ожидать мучений!

– Эх, господа. Вы видите только то, что вам показывают. На самом деле всё из-за ненужного расположения к принцу Ольденбургскому⁷, которое совершенно неуместно в современной политике, – Витольд Христианович Недзвецкий произносил это чётко и рублеными фразами. Как будто и сам не рад был столь поверхностному восприятию ситуации. – Наши солдаты и офицеры даже там гибли не за нужное отечеству, а всего лишь за чужую неустанную гордыню. Сейчас же нас шантажируют войной. И вы думаете, мы сможем откупиться чем-то малым? Сомневаюсь. Это ж какую прорву денег они потратили, чтобы привести к нам все эти войска. Думаете, просто так уйдут? Не смешите!

Каждый отстаивал свою точку зрения, считая только её правой. Дошло до того, что неумные спорщики, позабыв этикет, размахивали столовыми приборами, чтобы придать вес собственным словам и суждениям.

В противоположном от «горячего» конца стола с дискуссией Павел Матвеевич обсуждал с госпожой Гурской кое-что более для нас важное.

– Екатерина Петровна, думаю, на следующей неделе вы сможете выехать. Погода как раз прекрасная для подобного путешествия.

– Вы правы, уже можно. Гришенька писал, что в Твери скоро ярмарка будет. И на Селигер я давно съездить хотела, да всё недосуг было.

– Не знаю, вышлет ли Григорий Петрович кого вам навстречу, но думаю, вы не откажетесь от сопровождения пары татар, вы с ними уже знакомы.

– Конечно, конечно. Сейчас такое время. Буду весьма вам признательна.

– Да что вы, Екатерина Петровна. Пустое. Мне так спокойнее будет.

При этих словах «бабушка» улыбнулась.

– Только жаль Луизоньки с нами не будет.

– Но Мария не ездила в прошлом году с нами в Петербург, – напомнил Рубановский, – думаю, она должна получить свою долю внимания и восхищения. Ведь наверняка Григорий Петрович захочет свозить вас в столицу. Это же совсем рядом.

---

⁷ В 1810 году герцогство Ольденбург было аннексировано Французской империей.

– И то верно, брат, безо всяких сомнений, пожелает отвезти. Как жаль, что будет не сезон, а то бы посетили театр или оперу.

Мария, внимательно прислушивающаяся к этому разговору, старательно делала отрешённый вид, но блестящие предвкушением глаза выдавали её заинтересованность. «Не сезон» совершенно не смущал. Особенно учитывая обрётённые в прошлый раз знакомства – «тётушка» даже в это время вполне сможет найти достойное светское общество и получить приличествующие приглашения.

«Летний сезон» дворянство обычно проводило «на водах» или же в имении, спасаясь от душливой городской жары. Но «предприимчивый» провидец нашёл возможность отослать «бабушку» с Марией подальше от предстоящей трагедии. Дабы госпожа Гурская не заподозрила чего, всё представили банальной финансовой заинтересованностью.

Павел Матвеевич старался не злоупотреблять своими знаниями будущего технического прогресса, но иногда находил какие-то совершенно необходимые, но ещё не созданные мелочи, производство коих не требовало особенных технических знаний.

И вот сейчас по его просьбе «бабушка» отправлялась «навестить» брата, а на самом деле везла письмо от графа Толстого своему кузену Андрею Ивановичу, вице-губернатору Твери. Увы, но генерала Ушакова, с которым граф был много лет дружен, на должности губернатора только-только сменил Кологривов, в связи с чем обращаться к тому было нежелательно. Нужна была помощь в приобретении некоторого количества земли для строительства задуманного производства.

Не знаю, как господин Рубановский сам не запутался в этой истории, посвящая Екатерину Петровну в коллизии данного прожекта. И объяснения, почему он сам не может совершить данную поездку, так и остались весьма туманными.

– Одно меня тревожит, Павел Матвеевич, как же Луизонька? Она тут одна остаётся.

– Помилуйте, Екатерина Петровна! Как же одна? – возмущению провидца не было предела. – А я! Кроме того, приживалку вы взяли недавно...

– Павел Матвеевич, не стоит так об Ольге, – возмутилась Мария.

– Прошу покорно простить... вы правы... компаньонка... – послушно исправился он, – будет постоянно при ней. Да и её «неотлучная тень» Егор. Не говоря уже о татарах.

– Вот думаю... может, Степаниду с ней ещё оставить... а с нами Лушка поедет?

На этот вопрос «провидец» только пожал плечами. Он старался не вникать в перипетии распределения слуг в семье.

Мы очень надеялись вовремя отправить «бабушку» к брату. Ведь если Екатерина Петровна задержится до вторжения, то наверняка постарается увезти меня с собой, что совсем не вписывалось в наши с Павлом планы. Мы же имели на приближающуюся военную кампанию свои виды.

Несколько дней назад «провидец» сообщил, что основные задуманные идеи готовы. Поэтому он отправил своих родителей на юг, осматривать купленную там по случаю винодельню. Сейчас же усиленно старался выпроводить из губернии и территории будущих сражений Екатерину Петровну с Марией. Как запасной вариант я даже рассматривала возможность обратиться за помощью к Варваре Сергеевне. И хотя та была крайне разочарована моим отказом сопровождать её в Петербург, я полагала, с удовольствием окажет протекцию «тётушке», если понадобится. Опять обращаться к её свекрови, и так принявшей такое деятельное участие в моей судьбе, не хотелось. Это было слишком навязчиво.

Наконец за чаем, когда Мария заняла место у рояля, до меня добрался Николай Андреевич. Естественно, темой разговора была любимая супруга и наследник. Моя первая пациентка из высшего общества уже полностью оправилась от родов. Небольшой шрам, оставшийся после операции, несколько её не беспокоил. Волновал же господина Славинского только один вопрос: способность супруги к зачатию.

– Николай Андреевич, это возможно. Но я бы просила воздержаться от подобного хотя бы ещё год. Елизавета Матвеевна должна восстановить свои силы и здоровье.

Сказанное мною мужчину явно не обрадовало, но он кивнул, вынужденно принимая мои доводы.

– Что же такого услышал ваш гость, что на лице его отображается вселенская мука? – Павел Матвеевич тут же занял освободившееся подле меня место.

– Жене его ещё хотя бы год нужно избегать новой беременности. Я осматривала её несколько месяцев назад, никаких осложнений нет, но это нежелательно.

Господин Рубановский тихо хмыкнул в ответ, хитро прищурился и почему-то поспешил к уединившемуся в углу с бокалом в руке господину Славинскому. Пользуясь звучащей музыкой и пением «тётушки», он что-то очень тихо рассказывал Николаю Андреевичу. Постепенно лицо слушавшего озарила предвкушающая улыбка. Он благодарно кивнул «провидцу» и уже расслабленно откинулся на спинку кресла, внимая пению.

– И что вы ему такое поведали? – спросила я у вернувшегося Павла Матвеевича.

– О, ничего интересно. У мужчин тоже есть свои секреты, – ответил он и нежно улыбнулся, взяв меня за руку. – Не волнуйся, милая, с твоей пациенткой всё будет хорошо.

После помощи Варваре Сергеевне число желающих обратиться ко мне пациенток сильно возросло. Господину Недзвецкому даже пришлось завести книгу очереди, так как в госпиталь впускать их строго-настрого запретили. На первый же подобный случай господин Сушинский отреагировал такой отборной руганью, что впечатлил даже старого солдата из инвалидной команды. В связи с чем мои посещения городской больницы были расписаны поминутно на несколько месяцев вперёд.

Ни Витольд Христианович, ни Арнольд Викторович не понимали моего нежелания уделять больше времени алчущим моего внимания женщинам. У меня же появлялось ощущение, что из врача я постепенно превращаюсь в акушерку.

Желающие заполучить старшего помощника лекаря появились не только в Могилёве. Княгиня Долгорукова писала из столицы, что после её рассказов многие дамы просто жаждут моего приезда. Они гневно высказывались, не понимая моего нежелания иметь практику в Петербурге. Некоторые даже предлагали свою помощь в общении с Виллие и получении заветного диплома. Павел, первый раз обсуждая полученные письма, с облегчением предложил мне воспользоваться данной возможностью. Но услышав категорический отказ, более не возвращался к этому разговору, приняв моё мнение. Это впечатлило. Обычно мужчины редко слышат кого-то, кроме себя.

И хотя дел на господина Рубановского сейчас навалилось немало, он старался находить для меня время. Если сам не мог появиться, меня всегда ждала небольшая записка от него, оканчивающаяся неизменным «постарайся нормально выспаться».

Как ни странно, но последнее время я довольно часто возвращалась в мыслях к своей последней встрече с туманом. Конечно, мне тогда до дрожи хотелось развернуть Ветра и въехать в заполненный белой пеленой подлесок. Ведь звучащие вдали голоса казались такими близкими. Но осознание того, что меня ждёт истекающая кровью пациентка, которой только я, возможно, могу помочь, не оставляло мне иного решения. Потому как мысли о других оставляемых в этом времени людях набатным колоколом также звучали в голове. Мучилась ли я от подобного вердикта? Да! Сомневалась ли? Совершенно нет!

Когда я впоследствии рассказала Павлу Матвеевичу о произошедшем, он напрягся и поинтересовался, почему я не выбрала туман.

– А вы бы смогли?

– Не смог бы оставить вас здесь.

– И я не смогла.

Глава 2

15 июня 1812 года

С конца прошлой недели я нервно ждала новостей. Моё беспокойное состояние замечали все, но списывали на отсутствие в городе жениха. Особенно в этом деле отличилась Ольга, приставленная заботливой «бабушкой» в качестве моей компаньонки.

Младшая дочь древней, но разорившейся фамилии, как понимаю, с юных лет занимала эту должность у разных дам. Сначала жила с очень пожилой женщиной, скрашивая своим обществом её одиночество. Потом сопровождала дочерей какого-то дворянина. И так из года в год, сменяя семьи. Перед тем как поселиться у нас, опять присматривала за доживающей свой век старушкой.

Не знаю, была ли Ольга Васильевна в молодости красива, но сейчас, перешагнув тридцатилетний возраст, казалась довольно блёклой. То ли годы, то ли пережитое наложили на её лицо печать какой-то отрешённости. Она старалась быть незаметной и тихой. Очень любила читать вслух, и в такие моменты голос её приобретал твёрдость и выразительность. Как я заметила, она вообще предпочитала весь мир чтению. Приезжая со мной в госпиталь, почти всегда оставалась в «каморке» Аристарха Петровича наедине с книгой и отрывалась от неё, лишь когда мы уже собирались домой или в больницу.

Видя мою нервозность, Ольга даже изменила собственной страсти и ходила вместе со мной и моими «подопечными» по госпиталю, напоминала про обед и старательно уводила к господину Сурина на чай.

И вот сегодня моё ожидание неизбежного закончилось. Город буквально взорвала новость о вторжении французских войск. Это событие обсуждалось, кажется, везде. Без сомнения, госпиталь не обошла подобная участь. Особенно она вызвала напряжение у врачей, так как большей части надлежало отправиться в действующую армию. Естественно, все ожидали приказа о назначении.

Господин Сушинский не сомневался, что Яков Васильевич не забудет своего протеже, поэтому готовился оставить госпиталь на преемника. К моему вящему неудовольствию, им оказался не кто иной, как Эдуард Платонович Скоблевский.

Но самым большим ударом была новость о том, что меня собираются оставить в госпитале. Ни угрозы, ни слёзы не помогали. Семён Матвеевич остался непреклонен.

– Мадемуазель Луиза, я не могу лишиться город такого лекаря, как вы, – улыбнулся он, – кроме того, граф Толстой уверил меня в том, что, по словам князя Багратиона, городу ничего не грозит. Вы остаётесь тут. И это не обсуждается. Вдруг сложные роды, а вас нет? Вы же с таким упорством на них каждый раз стремитесь.

– Вы понимаете, что город будет оккупирован французами?

– Ну зачем так волноваться, – посмеиваясь, заявил он, – вам нечего бояться, с вашими-то татарами. Вот за французов я опасаюсь.

Всё, как Павел и предвидел. Поэтому оставалось только дожидаться его приезда и действовать по уже не раз оговорённому плану.

Приказы по медицинскому ведомству не заставили себя ждать. На следующий день, 16 июня, прибыли курьеры с распоряжениями. Из лекарей в госпитале оставались только я со Скоблевским. Городская же больница полностью легла на плечи господина Лаппо. Медицинского персонала стало сильно не хватать. Ведь, несмотря на заверения губернатора, многие из них с семьями покидали город.

Расшалившаяся погода решила, что и так слишком жарко, поэтому «радовала» нас не прекращающимся несколько дней подряд дождём.

Вероятно, господин Рубановский пока так и не появился, пережидая где-то распутицу. Не знаю почему, но я была абсолютно уверена, что с ним всё хорошо. Задержка может оказаться слишком долгой, а нам следовало спешить.

Ольга с подозрением посматривала на меня, ибо именно после получения страшных новостей я успокоилась и стала собранной, послала в имение за старостами и вообще развила бурную деятельность. Несмотря ни на что, я планировала вывезти как можно большее количество раненых из госпиталя. Не хотела, чтобы они погибли. Естественно, под это дело нужны были телеги. Учитывая же спешно покидающих дома горожан, средства передвижения стали в большом спросе. И тут Егор предложил обратиться к нашему старому знакомому.

Соломон Яковлевич, вчера приглашённый «охотником» на чай, весьма настороженно входил в комнату, теребя в руках ермолку. Но, увидев меня, улыбнулся и расслабился. Первый десяток минут мы просто чаёвничали и говорили ни о чём, соблюдая приличия.

– И зачем же старый Соломон таки понадобился милой барышне? Неужто мундир, мною построенный, прохудился? – с улыбкой спросил портной, сам не веря в возможность подобного предположения.

– Господин Гольбштейн... – при этом обращении бровь его изумлённо изогнулась, – как я вижу, вы не собираетесь покидать город.

– Ой-вей, я слишком стар таки, чтобы убегать. Кроме того, бедных евреев не любят при любых правителях. Так какая разница, кто будет не любить их завтра? Хороший портной всегда сможет добыть себе немного хлеба.

– Вы не так поняли меня, Соломон Яковлевич, – смутилась от подобного высказывания, – просто я рассчитывала приобрести телеги.

В изумлении у мужчины приподнялась другая бровь.

– Мне необходимо вывезти раненых из госпиталя. Покидающие город не продадут, они им и самим нужны. Поэтому...

– Таки вы посчитали, что старый Соломон знает за тех, кто остаётся и захочет сделать небольшой гешефт?

Я нервно кивнула. Эх, нужно было дожидаться Павла, пусть бы сам находил эти несчастные телеги. Но меня жгло чувство упускаемого времени.

– Вы таки думаете, что лягушатники возьмут город?

– Учитывая размеры их армии, – я прискорбно вздохнула, – мне видится подобное неизбежным.

Собеседник с прищуром поглядывал на меня какое-то время и произнёс:

– А барышня случайно не видит, когда примерно-таки случится это несчастное событие?

– Рискну предположить... в начале июля, – ответила, немного подумав.

– Эх-х... вот что я имею сказать за это дело... – мужчина сосредоточенно помякал губами. – Община поможет. Пять подвод мы таки сможем вам отдать.

Невольно улыбнувшись, я благодарно кивнула. Этого, конечно, было мало, но появлялась хоть какая-то надежда. В госпитале оставались только те, кто никак не мог держать оружие, а также инвалидная команда. Те, кто уже шёл на поправку, отправлялись по своим частям.

– Какую сумму нужно будет уплатить общине?

– Хм... вместо денег у общины уже давно есть до вас сильное желание.

– Да-а-а? – протянула я с улыбкой. – И чего желает община?

Соломон Яковлевич чуть помялся, но всё-таки произнёс:

– Община хочет пристроить на обучение к вам нескольких своих девочек. Все грамотны, за больными смотреть обучены, – увидев моё изумление, он торопливо продолжил: – Девушки-сиротки. Община о них заботится... но...

– Я поняла, такую возьмёт замуж разве что какой-нибудь старик, чьи дети потом не оставят ей даже нитки.

Портной, не скрывая удовольствия, кивнул и, погладив свою бороду, сказал:

– Мы таки подумали, что опытная лекарка станет более завидной невестой.

– Но вы понимаете... у меня не школа... да и я отправляюсь в армию... полную мужчин, обделённых женским обществом. Просто... я не смогу гарантировать...

– Ой-вей, вы-таки думаете за то, что когда в город войдут французы, то сразу примут обет воздержания? – перебил он с горечью.

– Хорошо, – ответила, немного подумав, – сколько девушек вы хотите пристроить?

– Уже две. Симочка таки сделала нам горе на мои седины, решив принять предложение от одного *каптана* (*оборванца).

– Ну, что же, будет лучше, если они переедут ко мне домой. Я выделю им комнату. Так будет намного удобнее, тем более если они сироты, – тяжело вздохнув, я продолжила: – Но вы должны понять... мы будем на войне...

– Ой-вей, барышня. Все мы ходим под Всевышним!

В конце концов мы договорились, что по первому требованию телеги будут пригнаны к военному госпиталю. Потому расстались весьма довольные друг другом. Но проводившая гостя Ольга явно не разделяла моей радости.

– *Mademoiselle, c'est une très mauvaise idée!* (**Мадемуазель, это очень плохая идея!*)

– И с чего это вдруг такие мысли?

– Но они же...

– Еврейки?

– Да! И...им запрещено покидать...

– Территорию? Я знаю. Поэтому ты просто об этом никому не скажешь. Всего лишь две новые барышни.

Лицо Ольги алело нервным румянцем, что даже немного красило её, а глаза кричали о полном неприятии ситуации.

Вечером в нашем доме поселились две гостьи. На мой взгляд, они не обладали выраженной семитской внешностью. Просто у одной были иссиня-чёрные волосы, а у второй – чуть заметная горбинка на носу. И то она проявлялась, только когда девушка поворачивалась в профиль.

Черноволосую звали – Есфирь, и я тут же переименовала её в Екатерину. Вторая оказалась – Далией и стала с моей лёгкой руки Дарьей.

Барышни восприняли новые имена с пониманием. Они также оказались очень тихими и послушными, в отличие от остальных моих «подопечных». Надеюсь, такое выраженное покровительство не принесёт мне ненужных проблем. А, впрочем, скоро мы покинем город, и ещё неизвестно, все ли мои помощницы последуют с нами.

Отужинать со мной и Ольгой девушки отказались, предпочтя столоваться со слугами.

На следующий день в госпитале, кажется, никто даже не обратил внимание на увеличение моей «свиты». Персонала так сильно не хватало, что не заметили бы и трехкратное её увеличение.

В связи с отсутствием других врачей граф Толстой в приказном порядке поручил господину Сушинскому принимать тяжелобольных горожан. Арнольд Викторович в одиночестве не справлялся, поэтому ему оставили только акушерское отделение.

Эдуард Платонович потом почти несколько часов вымещал на пациентах своё недовольство. Несмотря на то что я числилась помощником лекаря, «начальник» с удовольствием поровну разделит имеющихся больных между нами.

Впрочем, я не возмущалась. Это позволяло почти не видеться с господином Скоблевским. Да и ему в роли начальника было некогда потчевать меня своими тирадами и претен-

зиями. Хотя мы иногда встречались на операциях, где уже нам ассистировали мои «помощницы». В такие моменты «высокое руководство» становилось довольно сухим и лаконичным, сосредоточив внимание только на пациенте, разложенном на столе.

Тем не менее Эдуард Платонович иногда помогал мне в нелёгком деле «обучения» подопечных, порою сам комментируя свои действия.

Я же искала возможность серьёзно поговорить с ним. Поэтому, оперируя на пару открытый перелом какого-то городского трактирщика, попросила прибыть вечером на ужин, куда был также приглашён и господин Лаппо с супругой.

Эдуард Платонович довольно долго пытался рассмотреть что-то на моём лице, но всё-таки кивнул.

Естественно, это не было похоже на вечера, которые устраивала «бабушка». Просто ужин единомышленников, единственных оставшихся в городе врачей.

С трудом удалось уговорить Екатерину с Дарьей присутствовать на нём. Девушки буквально отбивались от оказанной чести. Весь вечер они очень тихо и чинно сидели в уголке, пытаясь привлечь как можно меньше внимания.

Я сделала Ольге знак занять беседой чету Лаппо, а сама при этом, разливая чай, тихо обратилась к господину Скоблевскому.

– Эдуард Платонович, я хотела обсудить с вами один вопрос.

– Чем именно могу вам помочь, баронесса? – довольно сухо осведомился мужчина.

– Учитывая всё то, что происходит, считаю целесообразным вывезти всех имеющихся у нас раненых дальше, вглубь империи.

– Я не имею распоряжений для подобного действия. Вы настолько боитесь, что хотите поскорее сбежать? Думаю, вас с радостью примут в Петербурге беременные дамы, – заявил он, язвительно улыбаясь.

Своё раздражение я скрыла за милой улыбкой.

– Господин Скоблевский, не стоит так явно проявлять свою неприязнь.

– Что?..

– Не знаю, знакомы ли вы с информацией о примерной численности приближающегося войска... но на переправе было собрано около полумиллиона человек.

На меня ошарашенно, и в то же время неверяще посмотрели.

– Раненых не ждёт ничего хорошего, особенно если первыми в город войдут поляки.

Данное предположение заставило его хотя бы задуматься.

– Вы же понимаете, что Могилёв стоит прямо на пути следования войск?

– Граф Толстой уверил меня, что войска князя Багратиона направлены в нашу сторону.

Никто не позволит взять город. Сие просто немыслимо!

Я устало вздохнула, ненадолго прикрыв глаза, а потом опять повернулась к собеседнику:

– Эдуард Платонович, разве кто-то может подобное гарантировать?

– Я верю в силу нашего оружия! – патетично заявил он.

– Вы отказываетесь помочь мне в этом?

– Помочь? Эвакуировать моих пациентов? Я запрещаю вам даже думать об этом! Я начальник госпиталя!

Глава 3

20 июня 1812 года

В субботу губернатор неожиданно решил устроить званый обед. Как заявил вернувшийся наконец Павел, эта «показательная акция» должна продемонстрировать, что городу нечего опасаться.

Ехать пришлось в закрытой карете – просто потому, что опять ожидалось дожди. До этого они шли пару дней подряд. Именно из-за них, а вернее из-за образовавшейся непролазной грязи, мой жених так долго отсутствовал.

На погоду жаловались все: нереальная жара сменялась проливным дождём и опять наступающим душающим пеклом.

«Провидец», прибывший со мной и Ольгой, имел на этот вечер в доме Толстых большие планы. Павел задумчиво перебирал какие-то бумаги в тусклом свете из окна – тучи опять закрыли почти всё небо. Даже сейчас он умудрялся работать.

Из кареты был виден трусивший на чалой кобылке татарин из моего сопровождения. Второй наверняка ехал с другой стороны. За прошедшее время я уже настолько привыкла, что более не воспринимала их как ограничение собственной свободы. Хотя они всё так же яро выполняли обязанности, предвеляя собой любой мой вход в помещения.

Как потом поведал Павел, на меня ещё дважды совершали покушения, которых я даже не заметила. Охранники очень ответственно делали свою работу. Поэтому, скорее всего, воспринимала их как «неизбежное добро».

Отношения некоторых из татар с Ольгой было весьма своеобразными. Компаньонка делала вид, что совершенно их не замечает, они лишь незаметно улыбались в усы. Не было даже свидетельств, чтобы хоть один заговорил с ней.

На козлах находился вернувшийся из имения Егор. Как только здоровье позволило ему нормально передвигаться, этот свихнувшийся на моей охране «охотник» вынудил управляющего отправить его в город. Сегодня Егор был особенно нарядным. Павел привёз что-то наподобие непромокаемых макинтошей⁸ болотного цвета, тепло подбитых изнутри. У Егора плащ был длинным, закрывал даже ноги, а это очень полезно для возницы. Со спины висел удобный башлык⁹.

На татарах же красовались слегка удлинённые куртки из такого же материала. Из него же были пошиты их брюки, заправленные в сапоги. Потому группа со стороны воспринималась каким-то военным отрядом. Обновки охране явно нравились, оттого лица их лучились довольством, хотя они и старались придать себе суровый вид.

В связи с отсутствием «бабушки» и «тётушки», которых мы благополучно отправили в Тверь почти две недели назад, мне надлежало везде быть сопровождаемой компаньонкой. Особенно если я выезжала в свет в обществе Павла Матвеевича.

Накануне званого вечера с Ольгой вышел небольшой конфуз. Как оказалось, у неё не было пристойного для подобного выхода туалета. При помощи новых жиличек, на проверку оказавшихся умелыми мастерицами, для неё удалось быстро перешить одно из старых платьев

---

⁸ Макинтош (англ. mackintosh) – плащ из непромокаемой прорезиненной ткани, был в моде в середине XIX века. Название происходит от фамилии шотландца Чарльза Макинтоша, который и открыл способность ткани впитывать раствор каучука, становясь непромокаемой.

⁹ Башлык (тур. Başlık – наголовник) – суконный остроконечный капюшон, надеваемый в непогоду поверх какого-либо головного убора. Имеет длинные концы-лопасти для обматывания вокруг шеи.

Екатерины Петровны. Освежённое новыми контрастными кружевами и лентами, срочно закупленными в лавке, оно выглядело необыкновенно милым. Мои подопечные обещали помочь Ольге с обновлением гардероба, если та согласится обучать их французскому языку. Меня посетила мысль, что раньше девушки служили в швейной мастерской, но увидев возможность новой карьеры, еврейская община не преминула этим воспользоваться.

Единственное, с чем я не могла помочь Ольге, – украшения. Но как оказалось, у неё имелось небольшое тоненькое кольцо, оставшееся от матери, вполне приличествующее образу и подходящее под туалет.

– *Ne vous inquiétez pas mademoiselle*, (**Не беспокойтесь, мадемуазель*) – сказала она, улыбаясь, – для компаньонки и подобное-то необязательно.

Но мне было приятно, что платье ей понравилось. Ольга всю дорогу в карете невольно поглаживала его, кажется, даже не замечая этого.

Зала в доме губернатора сверкала множеством свечей. Несколько огромных хрустальных люстр искрились в пламени их света, даже позолота на лепнине переливалась как-то особенно ярко. Представители оставшегося в городе высшего общества, одетые в шелка и драгоценности, сияли улыбками ярче тех камней, что были на них. По сравнению со всеми мы были облачены достаточно скромно и казались какими-то бедными родственниками.

– Но как же так? – я не смогла сдержать возмущения. – Все ведут себя будто бы никакой войны нет и в помине.

– Всё весьма просто, *ma chère* (*милая), так они пытаются заглушить свой страх, – тихо ответил господин Рубановский, пряча улыбку.

– Но... это же... прямо какой-то «пир во время чумы»... – прошептала я.

– Увы, *chère*, боюсь, эту трагедию Пушкин ещё даже не написал. Да и не помню, создал ли к этому времени Уилсон свой знаменитый «чумной город»¹⁰.

Всё это он проговорил очень тихо. Хоть Ольга и находилась рядом с нами, но стояла на пару шагов позади, давая нам «свободу» и одновременно соблюдая приличия. Компаньонка весьма ответственно относилась к своим обязанностям. И хотя мы были обручённой парой, ещё ни разу не оставались наедине хотя бы пару минут.

Как я поняла, Павел ждал возможности пообщаться с графом Толстым, но тот всё ещё не появился. Гостей встречали супруга и дочери губернатора. Как нам пояснили, у него была важная встреча. Пока же гости должны были развлекать себя танцами.

Совершив первый тур с женихом, я тихо попросила его пригласить Ольгу, которая, подзреваю, в силу своего положения и возраста собиралась просидеть весь вечер на диванчике. Ласково улыгнувшись мне и поцеловав руку, «провидец» повёл смущённую компаньонку на следующий танец.

Как это ни удивительно, но и я недолго оставалась одна.

– Добрый вечер, Варвара Андреевна, – приветствовала я первой подплывшую ко мне женщину, – рада вас видеть! – и постаралась как можно более искренне улыбнуться.

Госпожа Величко, как всегда, была разодета с большой помпой. Тёмно-синее платье было украшено бледно-голубыми кружевами, вышитыми палево-жёлтыми цветами. Тяжёлое кольцо поблёскивало камнями и отражало огромное количество свечей, что находилось в зале.

– *Bonne soirée, Louise!* (**Добрый вечер, Луиза!*) – чуть ли не пропела она своим грудным контральто, улыбаясь так приторно, что не почувствовать подвох было просто невозможно. – Почему ты не танцуешь с женихом? Позволяешь разделить его внимание с приживалкой?

– Павел Матвеевич достаточно учтив, чтобы выделить танец и для моей компаньонки, – ответила я, старательно удерживая улыбку на лице.

---

¹⁰ «Город Чумы» («The city of the Plague») – драматическая поэма Джона Вильсона (1785-1854), одного из видных британских поэтов «озёрной школы». Английский текст поэмы был издан в Эдинбурге в 1816 г. и перепечатан в Париже в 1829 г.

– *Entre nous, ma chère, (*Между нами, моя милая)* – она погладила меня по руке кончиками пальцев, униженных кольцами, – ты должна понимать, что мужчинам требуется кое-что побольше, чем объятия и поцелуи. А учитывая твою, – тут она с трудом сдержала презрительную гримаску на лице, – лекарскую деятельность, ты наверняка в курсе этой особенности. Твой жених может быстро найти всё необходимое ему в твоём ближайшем окружении. Тебе стоило бы это учесть.

– А что, Варвара Андреевна, после походов вашего сына женщины в «весёлых домах» уже закончились и не с кем более получить желаемое?

Меня неожиданно развеселила эта попытка вызвать ревность. Дело в том, что все служительницы подобных заведений должны были периодически проверяться в городской больнице, благодаря чему я была лично знакома с каждой и часто являлась принудительным слушателем всевозможных историй и случаев из их «служебной практики», в которых младший господин Величко порою бывал главным героем. – А может, вы рассчитываете вызвать во мне неприязнь и подозрения, дабы я разорвала обручение на радость вашим дочерям? Ведь их пристальное внимание к моему жениху ни для кого не секрет.

В начале моей отповеди женщина начала бледнеть, а потом стала покрываться красными пятнами. Я уже была готова услышать какую-то очередную гадость, как она вдруг погрузилась и произнесла:

– *Tu es encore trop jeune (*Ты ещё слишком молода).*

Не сказав более ни слова и надев на лицо приветливую улыбку, Варвара Андреевна направилась к группке стоявших неподалёку барышень. В доброжелательность госпожи Величко нисколько не верилось, скорее всего, пошла опять разносить очередные нелепые сплетни. Я не понимала её такой подчёркнутой нелюбви ко мне.

– Ведьма наговорила тебе очередных гадостей? – вернувшийся Павел поцеловал мне руку. – Что ей всё неймётся-то?

– Мне кажется, она глубоко несчастна.

Моя фраза вызвала у него удивление и недоверие. Но продолжить эту тему он не смог. К нам подошёл Аким Петрович с новостью, что губернатор спустился в зал, и, пока есть возможность, Павел Матвеевич должен не упустить момент с ним пообщаться.

Сделав знак Егору, одетому сегодня в ливрею и выполняющему роль охранника документов, мой жених получил на руки свою уже местами протёртую на углах кожаную папку. Оставив Ольгу на диванчике, мы прошли по залу в сторону графа Толстого, но нам всё-таки пришлось немного обождать. Рядом с ним стояла пожилая пара, явно подошедшая поздороваться. Дождавшись их ухода, мы наконец-то смогли подойти.

Отдав должное взаимной учтивости, Павел смог вручить подготовленные им документы губернатору. Тот некоторое время их читал, нацепив на нос пенсне, а потом, подняв голову, возмущённо уставился на моего жениха и произнёс с тихим негодованием.

– Это неприемлемо! Никто не позволит вывозить военные и аптекарские магазины¹¹! Князь Багратион клятвенно заверил меня, что городу ничего не угрожает. Ваши предположения могут посеять панику среди обывателей. Да и потом, с чего вдруг такое...

– Дмитрий Александрович, вы же посмотрели мои записи. Учитывая количество и темп движения войск, в начале июля корпус Даву будет рядом с Могилёвом! Как вы собираетесь оборонять город, у которого в наличии имеется только не предназначенный для военных действий батальон внутренней стражи? А это всего-то около трёхсот человек...

– Князь обещал, что пришлёт к нам на помощь пехотный корпус генерала Раевского! – губернатор вдруг осёкся и продолжил раздражённо: – Вот мне интересно, откуда вы, господин Рубановский, получаете подобные донесения?!

---

¹¹ Магазин – так в то время называли склад.

Павел Матвеевич тяжело вздохнул. Я помнила, что Раевский не успеет. Все наши попытки изменить сложившуюся ситуацию пока заканчивались неудачей. История совершенно не хотела сойти с назначенной ей колеи.

И хотя господин Исупов, на которого в ожидании поддержки посмотрел «провидец», был с ним полностью согласен, но пойти против воли губернатора он не имел никакой возможности. Поэтому ограничился лишь пожатием плеч.

– Он и вас, барышня, сбивает с пути! Мне доложил господин Скоблевский, что вы выказали стремление вывезти раненых в неизвестном направлении. Не знал бы о вашем безоглядном служении Асклепию¹², мог бы заподозрить вас с вашим женихом в тайных сношениях с неприятелем, – заявил граф Толстой, поглядывая на меня с укоризной.

– Почему же неизвестном? Думала вывезти в Смоленск. В обороне города они не помощники, а на благородство неприятеля к увечным нет никакой надежды. Вы же не думаете, что, лишая своих солдат медикаментов, они будут лечить наших? – ответила несколько возмущённо, хотя подобное было совершенно неприемлемо.

Поодаль столпились в ожидании губернатора слишком многие, посему нам пришлось уступить место следующим просителям.

Уже когда мы подходили к диванчику, на котором нас ожидала Ольга, я расслышала «Старый дурак», которое тихо прошипел Павел. Осторожно сжала его руку. Вокруг слишком много людей, и высказывание могли услышать.

Господин Рубановский действительно рассчитывал вывезти из города всё, что может впоследствии понадобится войскам, но история нашего прошлого осталась неизменна. Французам достанутся полные магазины. Это и вывело «провидца» из себя. Все наши попытки достучаться до власть предержащих оканчивались неудачей.

Более мы не танцевали, просидев на диванчике до самого ужина. Подходящих ко мне жених встречал таким выражением лица, что никто даже не отважился высказать приглашение.

Но... не знаю, по какой причине пример Павла Матвеевича оказался показателен в отношении Ольги. Ещё несколько мужчин приглашали её на танцы. На попытки компаньонки отказаться я неизменно уговаривала её развлечься, а не сидеть с нами. Тем более это давало нам возможность спокойно побеседовать.

Я поведала Павлу свою неожиданную беседу с госпожой Величко. Думала, что мой ответ его расстроит, но он только посмеялся.

– Спасибо, милая, я никогда не сомневался в том, что в этих светских играх ты сможешь постоять за себя, – сообщил он, целуя мне руку.

Моё же признание в знакомстве с «дамочками», что обслуживали подобные заведения, не вызвало и капли его раздражения.

– Ты у меня ангел, – только и сказал он в ответ на услышанное.

Мы ещё тихо обсуждали мою предстоящую встречу со старостами, приезда которых я ожидала в ближайшие дни, когда наконец раскрылись двери и всех пригласили в обеденную залу.

За столом Ольга села по левую руку от меня, Павел – по правую, проигнорировав чью-то карточку, расположенную там. Небольшое недоразумение поспешно разрешилось, другому гостю нашли место.

Что удивительно, но за обедом все почему-то избегали обсуждения военных действий, как будто подобное игнорирование как-то способно было возыметь действие на происходящее.

---

¹² Асклепий – в древнегреческой и древнеримской мифологиях бог медицины.

Главной темой служила погода, которая могла повлиять на ожидаемый урожай. Кое-где слышались философские рассуждения, но большей частью доносились шутки и смешные истории, вызывавшие у собравшихся какую-то нездоровую весёлость.

Меня это всё до крайности раздражало. Посему в общих беседах не участвовала, лишь иногда тихо переговариваясь с Павлом о всяких мелочах, возникших в период его отсутствия.

В какой-то момент я с удивлением обнаружила, что Ольга нашла для себя интересного собеседника в лице соседа слева. Им оказался полностью седой начальник одного из департаментов в присутствии¹³. Они негромко, но с жаром что-то обсуждали. Когда я прислушалась, обнаружилось, что предмет их спора – всего лишь правила написания некоторых слов. Вот уж не знала, что моя компаньонка так увлечена грамматикой.

Впрочем, может, со стороны мужчины это всего лишь способ привлечь внимание? И я решила более пристально приглядеться к собеседнику Ольги.

---

¹³ «Присутствие» или присутственное место – государственное учреждение в Российской империи, а также помещение, им занимаемое (приёмная, канцелярия). В губернских и уездных городах империи были построены, зачастую по типовым проектам, административные здания – «здания присутственных мест».

Глава 4

22 июня 1812 года

Наконец управляющий имением и старосты деревень прибыли в город. Последние хоть и люди подневольные, но страх перед войной был одинаков для всех. Перед отъездом Екатерина Петровна по наущению Павла оставила письмо для управляющего, подтверждающее моё право распорядиться от её имени в непредвиденных обстоятельствах. Это стало для нас настоящим подспорьем.

Встретила я всех в обеденной зале, переставив стол из центра к стене. На него выставили самовар с чаем и «канапешками» – ещё одной выдумкой моего всюду успевающего жениха. Я постоянно удивлялась его неуёмной энергии.

Мы как-то обсуждали этот вопрос, и «провидец» объяснил, что жизнь в будущем приобрела быстрый темп. Даже 1871-й был для него чересчур «размеренным». Хотя провёл он его в принудительной тишине, воспитывая в себе сдержанность, но сейчас, в преддверии войны, его не раз прорывало на кипучее движение и постоянное творчество. Посему он часто, по его словам, «отрывался», порой вводя в ступор нашу кухарку, не имея возможности делать подобное в кругу своей семьи. У нас же его выходки считали просто эксцентричными, оттого и не задавали лишних вопросов. По его словам, тут он «отдыхал душой».

Я предложила прибывшим перекусить, но все единодушно отказались. На предложение «присаживаться» вообще возникла сумятица. Разговор предстоял долгий, и заставлять почтенных по возрасту людей всё это время стоять мне было как-то неудобно.

Управляющий – Борис Семёнович Градский, уже немного привыкший к моим «причудам», – довольно быстро навёл порядок, чем приятно удивил нас с Павлом. Ещё год назад, когда я начав лечить деревенских, я велела установить у сеней лавки, где могли присесть ожидающие очереди. Таким образом, сегодня моё предложение его уже не ввергло в ступор.

Когда все расселись, Борис Семёнович представил нас с женихом. Поведал о том, что, пока идёт война и отсутствует Екатерина Петровна, я могу распорядиться в имении и принадлежащих семье деревнях.

Некоторые из старост были со мной знакомы, другие же смотрели весьма подозрительно, хотя все единодушно молчали. Я с удовольствием предоставила слово Павлу. Подумала, так будет намного легче. «Провидец» честно поведал о военной ситуации, ничего не приукрашивая, но и не сгущая краски.

– Так как же-ж это, – не выдержал знакомый мне мужчина, кажется, Фрол. Сын его часто мучился горлом, потому нередко был посетителем «лекарских» сеней. – Если они и сюды придуть, что ж нам-то делать?

– Поэтому мы и вызвали вас, любезный, чтобы всё объяснить.

Старосты стали переглядываться, не решаясь более перебивать Павла.

– Последнее время было дождливо, не знаю, будете ли вы на Казанку жатву зачинать, но то вы и сами решить можете, не мне вам советовать. Хотя мыслю я, что уже в первую седмицу июля враг подойдёт к городу.

Тут мужики стали возмущённо перешёптываться. Дождавшись тишины, жених продолжил.

– Неприятелю отвлекаться на мелочи сейчас без надобности. Он к нашим дорогам неприучен, потому будет держаться столбовой и, взяв город, наверняка направится к Смоленску.

– Неужто хенералы позволят-то? Ведь вона како войско-то имеем.

«Провидец» тяжело вдохнул:

– Возглавляет неприятеля прославленный полководец, он выиграл почти все сражения, что вёл. Лоб в лоб сходить с ним нам не с руки. Много крови попусту прольём. Тут хитрость нужна... заманить его подальше от границ, где у них еда и оружие припасены, да голодом ослабив, уже и бить.

– Дык это сколько ж тогда его водить придётся... да и тут он может еду найти...

– Вот поэтому, – поучительно поднял палец Павел Матвеевич, – вам и надобно, собрав урожай, схоронить его, да и самим затаиться. Наверняка же у каждого в хозяйском лесу охотничья ухоронка есть? – спросил он, обведя взглядом присутствующих.

Все, кроме управляющего, потупились.

– Вот тут сидящая барышня от имени вашей хозяйки тот ваш грех прощает, – заявил господин Рубановский, с улыбкой посмотрев на меня. – Потому... ваша наипервейшая задача – не дать французским фуражистам даже возможности заполучить припасы. Если вдруг... подойдёт отряд, а хлеб ещё не до конца убран, вам придётся оставшееся поджечь!

Старосты потрясённо уставились на Павла в каком-то ужасающем трепете. Борис Семёнович же смотрел как ворон, наклонив голову набок. За всё время он не проронил более ни слова.

– Всё, что сможете собрать в этом году, остаётся вам. Хозяйка не будет требовать никаких повинностей, потому чем больше вы сможете собрать... – тут он многозначительно замолчал, поиграв бровями.

Управляющий тоже о чём-то задумался.

– Надеюсь вам всё понятно? Соберите, какой сможете урожай, что не успеете к приходу неприятеля – сожгите. Особенно сено. Уводите всю живность, что имеете, да и сами с семьями укройтесь в лесу со всей осторожностью. В деревнях же пусть какие-нибудь старики останутся, передать что могут, если понадобится.

Мужики задумчиво закивали, осознавая всю сложность грядущего.

– На одном зерне не проживёшь, а огороды, может стать, вообще вам недоступны станут. Я передам в свои деревни, и те могут меняться на овощи, да и вообще, в чём нужду иметь будете. Потому и предложил старикам каким в деревне быть. Или же приглядывать кому, есть ли гости к вам.

Это предложение старостам понравилось.

– Теперь о ваших делах, господин Градский. Нужно будет вывезти из имения на сохранение самое ценное. Через пару дней придёт от меня поверенный... недалеко от нашей усадьбы построен охотничий дом в лесу. При нём сарай большой, от дождей надёжный. Там всё и укроете.

– А из своего поместья там же вещи прятать будете? – неожиданно спросил управляющий.

Павел Матвеевич как-то ехидно улыбнулся, пристально на него посмотрел и ответил:

– Нет. Для этого другой склад есть.

Борис Семёнович потупился, но ответил:

– Просто думаю, охрану бы тогда туда приставить надобно.

– Не волнуйтесь, охрана там уже есть. И не беспокойтесь, мой человек опишет всё, что было взято, и всё, что осталось в усадьбе. Ничего не потеряется... всё будет в сохранности.

Управляющий как-то обиженно посмотрел на Павла, как будто тот незаслуженно подозревал его в чём-то нехорошем.

– А как жеж барышня, – вдруг обернулся в мою сторону Фрол, – где она останется?

– Госпожа баронесса – лекарь, потому поедет к нашим войскам, помогать и спасать жизни тех, кто за нас живота своего не жалеет.

Мужики потрясённо уставились на меня. Некоторые даже перекрестились, прошептав молитву. Я же старалась мило улыбаться ошеломлённым старостам. И хотя мы много раз ранее

обсуждали с женихом эту встречу и то, что надлежало рассказать прибывшим, казалось, я что-то упустила и люди всё равно могут пострадать.

Павел Матвеевич подошёл ко мне, поцеловал руку и произнёс:

– Не волнуйтесь, я не оставлю свою невесту, а потому всегда буду рядом.

Старосты опять начали перешёптываться, а мне уже надо было ехать в госпиталь. Посему и дала указания Степаниде всё-таки накормить приехавших, ведь им сегодня ещё возвращаться.

Одна часть подготовленного нами с Павлом плана начнёт воплощаться. Мне же предстояло заняться его следующим пунктом.

Сегодня из-за жары я воспользовалась коляской. Отправились в сопровождении Ольги и подопечных. На козлах восседал неизменный Егор, который иногда перебрасывался короткими фразами со следующими рядом верхами татарами.

Прибыв на место, я отправилась в появившийся у меня после отъезда врачей кабинет. Там, переложив документы со стола в ящичек, стала ждать.

Наконец дверь открылась, внутрь просунулась голова Егора.

– Привёл, барышня. Можно пустить?

Получив мой утвердительный кивок, он исчез, а в комнату вошёл старший унтер инвалидной команды. И хотя официально руководили ею офицеры, «охотник» разузнал для меня, что к этому немолодому мужчине прислушивается даже фельдфебель.

Жизнь не пощадила старого вояку. Лицо испещряли многочисленные шрамы. Он немного неестественно поджимал руку, что говорило о застарелой ране.

– Проходите, Гаврила Федосеевич, садитесь. Хотела бы с вами поговорить.

Естественно, я знала его имя, как и ещё многих служащих при госпитале инвалидов.

– Утро доброе, барышня. Чем могу помочь?

– Видите ли, в чём дело... – я встала и немного нервно прошлась по комнате. – Вы, как унтер-офицер, наверняка лучше меня понимаете, какие события вскорости могут произойти тут...

– Если...

Я подняла руку, останавливая его.

– Обождите, я выскажусь точнее... Дело не в моём страхе... Вернее... – я остановилась, затем вернулась за стол и продолжила: – Я хочу вывезти оставшихся раненых, тех, кого уже возможно, в Смоленск. Боюсь, скоро французы захватят город.

– Но...

– Знаю, губернатор заявил о том, что этого не допустят и к нам направлена подмога... просто... – я посмотрела в грустные глаза мужчины. – У меня предчувствие, что они не успеют. И если ходячие ещё смогут уйти... эти останутся. И на милосердие врага я не рассчитываю.

– Ну, если подмога к городу придёт, то и мы как бы не нужны будем, мешаться только. А ежели нет... помочь тоже не сможем. Слишком мало нас... стопчут вмиг, так что, как только господин Скоблевский прикажет, мы начнём...

– Он не прикажет, – перебила я унтера, – слишком держится за новообретённую должность, слишком полагается на городские власти... – Я посмотрела в его глаза и вздохнула. – Не осознаёт, чем это может обернуться.

Гаврила Федосеевич задумчиво начал пожёвывать свой ус.

– А почему барышня не обратилась к..., – тут он осёкся, заметив мой насмешливый взгляд. – Значится, выкрасть больных хотите?

Уверенно кивнула. Мужчина долго что-то рассматривал на моём лице.

– Эдуард Платонович не должен ни о чём догадаться?

– Естественно. Кроме того, хотелось бы взять хотя бы часть инвалидной команды. В пути за ранеными нужен уход.

– А что с аптекарским магазином думаете?

– До банального воровства не опустимся, – улыбнулась устало. – Мой жених, Павел Матвеевич Рубановский, вы, думаю, его видели...

Унтер кивнул.

– ...закупил всё необходимое для этого предприятия.

– Господин Скоблевский, кажется, по вторникам ездит тут к одной мамзели... – немного подумав, начал было рассказывать мужчина, но замер.

– Продолжайте, Гаврила Федосеевич, я роды принимаю, да и разных мамзелек лечу, а вы тут боитесь меня подобным оскорбить, – усмехнувшись, подбодрила его.

– Ну так вот. После этого, значит, в среду он довольно поздно приезжает. Почти к полудню.

– Думаете вечером вторника погрузиться и сразу выехать?

– А то ж... правда, на завтра уже не успеем... подводы нужны... да и я с ребятами поговорить должен, отобрать, кто поедет.

– Пять телег мне уже обещали. Ещё пара из имения придёт. Может, Павел Матвеевич что раздобудет, – ответила задумчиво.

Сидевший напротив меня мужчина тоже что-то перебирал в памяти, тихо шевелил губами, а иногда, задумавшись, упирался отсутствующим взглядом в потолок.

– Значится так, барышня, мыслю к следующему вторнику, через седмицу, сможем вывезти больных. Подберу поотчаяннее, всё-таки супротив начальства идти, могут посчитать дезертирством...

– Не волнуйтесь, Гаврила Федосеевич, всю ответственность я беру на себя. Уезжая, оставлю пакеты на имена начальника госпиталя и губернатора. Напишу, что приказала своей властью, а вы люди подневольные. Хотя граф Толстой поначалу будет в ярости... потом... он меня поймёт и простит.

– Ох же-ж, барышня. Мы-то уже старые, столько раз с костлявой встречались да разминулись. Вы бы свою шейку не подставляли...

– Понимаете, Гаврила Федосеевич, я честно сначала со всеми поговорила, пыталась убедить, упрашивать... но не слышат они меня... – я устало прикрыла глаза и вздохнула. – Хотелось всё сделать правильно, но не оставили выбора. Я себе просто потом не прощу, если не попытаюсь. Вывозить раненых, когда неприятель будет стоять под стенами города, бессмысленно. Быстро ехать нельзя – растрясёт, медленно – далеко не уедем. А время просто катастрофически утекает.

– Думаете, скоро придёт француз?

– Если верить моим предчувствиям... – я показательно задумалась. – Думаю, недели через две.

Мужчина с пониманием кивнул.

– Я хотела бы, чтобы вы встретились с моим женихом и обсудили все необходимые вопросы. Он в курсе всего и даст ответы на вопросы, которые наверняка у вас появятся.

На том и распрощались. Вторая часть плана, как ни удивительно, тоже вполне удалась. Хотя мы имели обоснованные сомнения, согласится ли инвалидная команда нам помогать.

Понадеявшись, что всё, нами задуманное, удастся, я отправилась проверять больных. Нужно всё перепроверить и составить список тех, кого сможем вывести. Некоторых трогать вообще не стоило: перевозка их только гарантированно убьёт, а так оставался крошечный, но шанс.

Глава 5

7 июля 1812 года

Вот уже неделю мы были в пути. Из-за удушающей жары, которая наваливалась днём, двигались только в утренние или вечерние часы. Егор пообещал, что скоро ночи будут достаточно лунными, так что сможем продвигаться и в это время.

Поражена, но наш «побег» прошёл на удивление удачно.

Днём во вторник, 30 июня, получив записку от татар, что Эдуард Платонович отбыл к своей «мамзели» пораньше, я не удивилась. С момента получения новости о вторжении к нам более не поступали раненые. Это было вполне понятно. Если такие и возникали, то их либо оставляли на «милость» врага, либо же увозили с собой. Никто отдельно вывозить раненых в нашу сторону, считай, на путь следования неприятеля, не стал бы. Однако новый начальник госпиталя имел своё, самое правильное мнение. Потому поступающих городских после лечения или операции отправлял в больницу, заставляя персонал сохранять в чистоте помещения для приёма раненых.

Моё мнение его совершенно не интересовало. Сделанную попытку ещё раз достучаться господин Скоблевский грубо прервал, и больше я подобных не предпринимала.

После обеда ничего срочного уже не было, и Эдуард Платонович отбыл, оставив адрес, где его можно найти при необходимости.

Через пару часов подворье Бернардинского монастыря, где и располагался госпиталь, заполнилось телегами. Первыми въехали те, что прислали из имения, затем прибыли общинные, их возницы сразу ушли, сделав вид, что их здесь и не было. Следом подъехал Павел с ещё пятью.

Не знаю, как это удалось Гавриле Федосеевичу, но присутствовали только те из инвалидной команды, что собирались отбыть с нами. Встретив моего жениха, унтер сразу отошёл к ним, о чём-то переговариваясь. Я же организовывала погрузку раненых.

Своих татар я не видела. Наверняка те рассыпались вокруг, дабы никто посторонний не приблизился. Они же и предупредят о возможных проблемах.

Много повозок – это и хорошо, и плохо. Потому как лошадей надо ещё и кормить, а значит, на чём-то везти не только наши вещи и пропитание, но и корм для них. Павел обещал, что ночные стоянки к нашему прибытию будут уже подготовлены, а в течение дня надлежало выкручиваться самим.

По этой причине больных усаживали по восемь человек на телегу. Двое из инвалидной команды садились как возницы и тут же потихонечку выезжали. Благо уже вечерело, а монастырь находился на окраине, из-за чего мы не привлекали излишнего внимания.

В итоге набралось всего лишь восемь телег. На две последние получилось разместить только по шесть человек. В госпитале осталось лишь несколько лежачих. Забирать их я всё-таки побоялась. Жару и тряску они просто не перенесут.

Ненужные повозки по указанию Павла тут же уехали. Мы же направились к выезду из города, где нас уже поджидали. К каравану присоединилась ещё одна телега, крытая непромокаемой тканью. В ней находились необходимые лекарства и немного еды. В каждую подводу с ранеными тоже положили по небольшому мешку с провизией, дабы те могли перекусить в дороге, и ещё один с овсом.

Для женщин определили бричку, в которой сейчас находились Ольга с новыми подопечными и Марфа, одна из моих первых учениц. Как помню, у неё сложные отношения с мачехой, посему она и решила отправиться с нами. Две же другие предпочли остаться в городе. Зад-

няя часть транспорта была оккупирована несколькими сундуками. Естественно, Егор никому не позволил занять место на этих козлах.

Замыкал процессию огромный дормез. Ему надлежало служить спальней для нас, а также благодаря нескольким усовершенствованиям он легко превращался в операционную. Опять же, к его крыше ремнями были привязаны сундуки. Рядом сновала Степанида, наотрез отказавшаяся уезжать в имение, ведь ранее я отправила туда всех из городского дома. Сейчас она что-то упорно проверяла и пересчитывала.

Я же решила пока передвигаться на Ветре. Это давало мне возможность подъезжать к телегам, проверяя пациентов.

В кабинете госпиталя Эдуарда Платоновича дождалось моё письмо. Ещё один конверт утром должны были доставить Акиму Петровичу. В нём я брала на себя всю вину за это самоуправство.

Пересчитав всё и всех, мы тронулись в путь.

Первую ночь и день Павел Матвеевич со своим отрядом из дюжины всадников сопровождал нас, как и обещал. Потом, по Смоленской дороге, нам надлежало следовать самостоятельно.

Уже за городом наш караван нагнали татары. Восемь всадников рассредоточились вокруг. Позади нас с Павлом пристроился Ахмед. По словам жениха, ещё несколько недель назад татары вывезли свои семьи. «Провидец» предложил тем «отдых» где-то под Курском. Помню, он приобрёл там землю.

Двигались мы до ночи. На устроенном привале всех накормили, правда, всухомятку и разместили на отдых. Вдвоём с Марфой мы осмотрели раненых, к счастью, никаких проблем не обнаружили. Телеги двигались очень медленно, лошади шли тихим шагом, не причиняя вреда пациентам.

Как только на небе забрезжил рассвет, обоз вновь двинулся в путь. Женщины досыпали в дормезе. Нам с Ольгой достались сиденья, превращённые в полноценные кровати, остальные разместились на полу. Так я поняла, чем была забита часть багажа.

Ближе к полудню свернули с дороги в лес, дабы уставшие от постоянной тряски раненые могли отдохнуть в тени. Степанида расторопно занялась приготовлением каши, ибо «негоже барышне...» – дальше я уже не слушала, оставив её на пару с Ольгой заведовать кухней.

– *Ma chère* (* *Моя милая*), здесь я вынужден буду вас покинуть, – тихо сообщил Павел после того, как все утолили голод. – Мне необходимо вернуться. Ты же знаешь, моё счастье, сколько ещё дел.

Я грустно кивнула.

– Как и договаривались, проводник станет выводить вас к ночным стоянкам, где будет всё подготовлено.

Прощание вышло каким-то тоскливым. Отпускать жениха от себя совершенно не хотелось – я настолько привыкла к его ненавязчивой заботе. Павел понимал мои стремления и поддерживал их. «Провидец» долго держал мою руку у губ, шепча всякие глупости. Странно, но Ольга нам не препятствовала. Она с помощницами обходила раненых, расспрашивая тех о состоянии.

Рискнули уйти только двадцать два солдата из инвалидной команды. Учитывая количество больных, которым надо было помочь справиться с естественной нуждой на привале, девушкам приходилось заниматься не только проверкой ран, но и кормлением.

Татары взяли на себя охрану, приняв также частичное руководство над инвалидной командой. Чуть позже я обнаружила, что, уезжая, жених вооружил всех пистолетами. Егор не расставался с любимым штуцером, пристроив его под рукой. Мой кольт был пристёгнут к голенищу удобных сапожек. Отправившись в путь, я переделалась в любимую юбку-брюки, благо

нашили мне их порядочное количество. Лёгкая блуза давала возможность не умереть от жары, вечером же я набрасывала скромный камзол.

Когда небо потемнело и двигаться стало проблематично, мы действительно вышли к небольшой поляне, на которой татары стали выстраивать наши телеги в круг. Посреди уже горел костёр, а рядом несколько человек готовили, распространяя вокруг одуряющий аромат гуляша. И хотя мы не успели сильно проголодаться – тряска тому не способствовала, – желудки призывно проурчали.

Сначала всех по очереди опять отводили в сторону, «оправиться». Кто мог немного передвигаться, делали это сами. Егор с парой помощников из ожидающих нас тут людей занялись лошадьми, и только татары, как и всегда, охраняли нас.

Дорога вымотала, и посему после ужина лагерь постепенно погрузился в дрему. Ахмед расставил караульных из солдат, а его люди в основном почему-то улеглись под телегами. Женщины опять были «утрамбованы» в дормез, спать вне его нам не позволили, а Егор так и пристроился у ступенек, положив оружие на колени. Степанида выдала ему одеяло, которое тот использовал вместо тюфяка.

Утром всех ждала немного жидковатая каша и крепко заваренный чай. Встретившая нас вечером группа уже отсутствовала. Под зычные указания Ахмеда мы спешно позавтракали, собрались и снова выехали в путь.

Так повторялось изо дня в день. С рассветом мы выдвигались, останавливаясь только переждать пекло и перекусить. Потом двигались до ночи, обязательно добираясь до небольшого подготовленного лагеря, где всех ждала горячая еда. Павел действительно позаботился облегчить нашу дорогу.

Если мы проезжали неподалёку от зажиточной деревни, Гаврила Федосеевич с парой солдат во время дневного отдыха отправлялся туда. Закупал что мог: свежий хлеб, молоко, яйца. Так удавалось разбавить рацион на дневном привале. Особо он заботился о том, чтобы овса у лошадей было в достатке. Потерять даже одну из них было непозволительно. Ко мне унтер за деньгами не обращался, хотя их у меня с собой имелось в достатке. Выходит, Павел и тут постарался всё предусмотреть.

На четвёртый вечер, прибыв к лагерю, поинтересовалась у заведовавшего тут мужика его именем.

– Никодимом кличут-с, барышня.

– А по батюшке?

– Иванович, – смутился тот от моего вопроса.

– Никодим Иванович, как я понимаю, вы находите для нас места для ночёвки?

– Так точно-с.

– Думаю, вы хорошо знаете местность. А есть ли что в округе для дневного привала, чтобы не только тень была для отдыха, но и хороший ручей рядом? Раненых нужно обмыть, слишком жарко.

– Всё исполним, барышня.

Уже на следующий день нас на дороге встретил виденный мною у стоянщиков парнишка и провёл немного вглубь перелеска. Для днёвки поляна явно не подходила, обычно мы занимали намного больше места. Да и тени почти не было. Но для купания – самое то.

Чуть выше по течению Степанида при помощи солдат соорудила из палок и натянутых между ними простыней небольшой «загон» и для нас. Естественно, пока мы переодевались в дормезе, подъехавшем впритык к импровизированной купальне, парочка татар, раздевшись до исподнего, проверила дно на «женской» стороне. Получилось, что они и помылись первыми, заодно натянув одну простыню даже в реке, тем самым полностью скрыв женскую половину от посторонних глаз.

Степанида скрепя сердце выдала мужчинам кусочки мыла из запасов. Она уже хотела и подопечных девушек оделить таким же, но я потребовала отдать душистое, что было подготовлено для меня.

Взрослые мужчины в реке резвились как дети. Мне даже пришлось просить Егора, сидевшего почти вплоты к простыням, передать Гавриле Федосеевичу мою просьбу прекратить безобразие. От резких движений могли открыться раны. Я рассчитывала, что инвалиды просто обмоют раненых. Но те, разморённые жарой, с удовольствием бултыхались в реке. Боюсь представить, сколько всякой заразы они могли занести.

После такой неожиданной помывки нам с помощницами пришлось менять повязки и вновь наносить мази на раны. Только четверо пациентов были обмыты как положено: у троих были сломаны и укутаны в гипс руки, у четвёртого в гипсе была нога. Инвалиды, давно приученные, что такие повязки мочить нельзя, благоразумно не допустили тех до речки, устроив им обливания из вёдер. Я лишь порадовалась такой заботе, пусть даже мешок гипса имелся на дне аптекарской телеги, которая сегодня немного опустошилась благодаря импровизированному купанию.

Может, мне и мнилось, но пациенты казались теперь бодрее, и в путь мы выдвинулись раньше намеченного. Но на вечернем привале я мстительно заставила всех выпить настой из коры ивы. Не хватало мне ещё тут всякого!

Сегодня с утра я была довольно нервной. Если всё правильно помню, сейчас Даву захватывает город, куда вернулся Павел. Надеюсь, ему удастся изменить хоть что-то.

Ольга, заметив моё состояние, потребовала, чтобы я перебралась в бричку, для чего послала Степаниду на козлы. Взяв меня за руку, она продолжила урок французского для «девочек Соломона», вовлекая меня в озвучивание различных сценок. Это немного отвлекло.

Ещё с понедельника нам стали попадаться казачьи разъезды. Они то обгоняли нас, то неслись навстречу. Несколько раз с ними беседовал Ахмед. Как поняла, никаких новостей пока не было.

Вечером к нашему бивуаку вышли уже встреченные накануне казаки. Оказывается, узнав, что мы – госпитальный обоз, они привезли несколько раненых, привязав к лошадям. Из-за такой транспортировки те были без сознания. Плюс ко всему сказывалась хоть и малая, но постоянная кровопотеря.

В этот раз я руководила, дав возможность подопечным набираться опыта. Тут были только колотые и резаные раны. Очень скоро девушкам понадобится эти навыки.

Командир казачьего отряда, переговорив с Ахмедом, подошёл ко мне.

– Вечер добрый, доктор.

– И вам добрый вечер, милейший, – разуверять его в моём звании не стала, не думаю, что для него есть разница в именовании лекаря, врача и доктора.

– Благодарствую за помощь.

– Ну что вы, помогать российскому воинству – наша первейшая обязанность.

– Узнать хотел бы, что с моими казачками делать будем.

– Одного так точно стоит оставить с нами, а двое других... с утра решим. Если напрягаться сильно не будут, дабы не кривоило, то могут с вами отправляться.

– Вы, как я слышал, на Смоленск путь держите? Я тут поглядел... татар-то ваших маловато для охраны будет. Говорят, француз-то близко уже. На дорогах беспокойно. Нам по пути. Можем всподмогнуть вам, тут недалече.

Меня мучила мысль, что одной из причин столь неожиданного рвения храбрых казаков был умопомрачительный аромат горячей еды, которую раздавали всем в нашем лагере.

Глава 6

12 июля 1812 года

Как всегда, мы встали на днёвку, пережидая самый солнцепёк. На этой стоянке не нашлось достаточно тени, потому между несколькими деревьями были натянуты простыни, создавая её подобие.

Впереди уже виднелся Смоленск. Первый этап нашего путешествия подходил к концу. Я планировала дожидаться Виллие и организовать отправку пациентов вглубь империи. Желательно куда-то подальше от Москвы. После постараюсь получить назначение в помощь к кому-то из врачей в действующую армию.

Казачи пытались внести лепту в вопросе снабжения и на остановках отправлялись охотиться или рыбачить. Естественно, днём использовать добытое уже не успевали, потому «трофей» путешествовал с отрядом до вечерней стоянки, где его уже готовили.

Неожиданно галопом вернулся один из «охотников» и поспешил к Ахмеду, по обыкновению исполнявшему роль начальника нашего каравана. Казачи и татары зашевелились, и один из последних поехал в сторону, откуда прискакал «охотник».

Лагерь встревоженно зашевелился. Инвалиды аккуратно сводили пациентов в одну сторону, проверяли пистолеты. Женщин попросили укрыться за дормезом, рядом по привычке расположился Егор.

Вернувшийся татарин о чём-то переговорил с Ахмедом, и тот, повернувшись ко мне, радостно улыбнулся. Потом спешно начал отдавать распоряжения. К огню подвесили ещё один котёл, над которым торопливо засуетилась Степанида. Сердце почему-то защемило. Надо привести себя в порядок... волосы наверняка растрёпаны... где-то тут был гребень.

Вдруг меня сжали за плечи и посадили на импровизированное сиденье, впихнув обратно в руки миску с ложкой. Ольга, а это оказалась она, сама занялась моей причёской. Аккуратно проверила блузу, стряхнула налипшие на юбку-брюки травинки. Есть почему-то не получалось. Я просто сидела и смотрела в сторону дороги, откуда уже было слышно лошадиное ржание и голоса людей.

Небольшая группа где-то из двух десятков всадников въехала на нашу поляну. Один из них, соскочив с коня и бросив поводья кому-то из подбежавших татар, направился напрямик ко мне. Оставив миску, я встала и очутилась в крепких объятьях Павла. Сразу стало как-то хорошо и спокойно.

– Я очень соскучился, *ma chère* (*милая), – произнёс жених, целуя руку. – Надеюсь, поездка прошла спокойно?

– Да, *mon cher* (*милый), всё хорошо, всё... *comme vous m'avez promis* (*как вы мне обещали).

Ещё некоторое время мы стояли, смотря друг на друга. Заметила, как он устал, но еле слышно спросила:

– Получилось?

Он только печально покачал головой и прикрыл глаза. Затем вдруг улыбнулся и заговорщицки заявил:

– Я тут случайно для тебя «подарки» нашёл, – и отошёл вбок, открыв мне вид на всадников. – Пришлось с собой везти.

Все уже спешили, только на одной из лошадей до сих пор сидел Ефимка, прижимающий к себе корзину. Рядом стоял злой Егор, что-то тому выговаривая. Увидев меня, мальчик сначала улыбнулся, затем потупился и осторожно снял с плетёнки прикрывающий её рушник.

Оттуда сначала показались уши, затем голова, которая осторожно осмотрела всё вокруг. Наконец под протяжное мяуканье в мою сторону рванул Непоседа. С разбега заскочив на руки, он потёрся об меня лбом, после положил лапы мне на плечи, упёршись прохладным носом в ухо, и стал очень тихо, рассерженно мяукать.

– Почему они с вами приехали? – с оторопью уставилась на «провидца». – Ведь я самостоятельно отправила их в имение перед отъездом.

– Ты представляешь, *ma chère*, нашёл эту парочку в городе. Не сговариваясь они втихую вернулись в Могилёв. Хвостатый добрался первым и научил мальчика плохому, показал тому, как влезть в запертый дом через форточку. Поняв, что ты уже успела уехать, Ефимка начал разыскивать меня, оставив полосатого на хозяйстве. Тот не смущаясь таскал курей у соседей, обеспечивая и себя, и ребёнка пропитанием. Не смотри на меня так осуждающе, морда усатая, – смеясь, продолжил Павел, поглаживая кота. – Когда я вернулся в город и узнал о самоуправстве, хотел обратно отправить, но меня слёзно упрашивали... так что забирай своё добро...

Тихо рассмеявшись, погладила кота, у которого недовольство сменилось привычным тихим урчанием. В этот момент подошла Ольга, пригласив Павла Матвеевича отобедать. Несмотря на осуждающий взгляд компаньонки, я села рядом с женихом, и тут Ольга попыталась отобрать у меня Непоседу, но тот вцепился клещом. Проиграв неравный бой, мне просто вложили миску в свободную руку.

Люди расположились вокруг и слушали рассказ невысокого мужчины с рассечённой бровью о захвате Могилёва. Незадолго до атаки к городу подошёл отряд полковника Грессера¹⁴, отступившего из-под Борисова, но даже эти четыреста человек не могли ничего противопоставить приближающейся двадцатитысячной армии. История повторилась. Граф Толстой, так и не дождавшись подмоги от Багратиона, постарался организовать оборону. Небольшие силы встречали французов на Виленском поле под прикрытием вала. Хоть первая атака и была отбита, часть наступающих двинулась в обход к Шкловским воротам, и обороняющимся пришлось отходить на юг.

Своим небольшим отрядом господин Рубановский помог губернатору и некоторым другим выбраться из города в последний момент. Так как пятый польский корпус Понятовского постарался первым прорваться в Могилёв и захватить администрацию.

Уже отступая, группа Рубановского встретила подходивший к городу казачий полк, которому и поведала о потере. Багратион, к тому Павел даже не решился обращаться, всё так же собрался отбить захваченный город своими силами. История продолжала идти уже проторённым путём. Более никуда не вмешиваясь, «провидец» увёл своих людей в сторону Смоленска.

– Почему вы не стали говорить с Багратионом? – тихо спросила его, когда мы уже собирались отправляться.

– Иногда накатывает такое чувство, что само «бытие» сопротивляется изменениям. И чем больше ты стараешься, тем сильнее тебя отбрасывает. Мы с вами и так слишком большое потрясение для хронологии событий. И я начинаю волноваться, чем нам придётся заплатить за своё присутствие здесь.

Расспрашивать жениха о губернаторе и его реакции на мою «кражу» я побоялась, но уже в дороге, пристроившись рядом со мной, Павел сам коснулся этой темы.

---

¹⁴ Грессер, Александр Иванович (1772-1822) в начале кампании 1812 г. находился в Борисове с отрядом из двух запасных батальонов 1-го и 33-го егерских полков и минёрной роты 2-го пионерного полка. 30 июня, чтобы не попасть в окружение, выступил из Борисова по направлению к Могилёву, постоянно отбиваясь от преследовавшей его кавалерии неприятеля. 8 июля оборонял Могилёв от войск маршала Л. Н. Даву, из-за неравенства сил вынужден был отойти к Дашковке и у Новосёлок присоединился ко 2-й Западной армии. Затем участвовал в сражении при Салтановке. Во время Смоленского сражения состоял «по инженерной части» при корпусе Н. Н. Раевского.

– Когда прощался с Дмитрием Александровичем, тот велел тебе кланяться. Правду сказать, как он отзывался о тебе за неделю до этого, я озвучивать не буду. Он просил сии слова забыть и более не поминать.

«Провидец» рассмеялся, я же залилась краской.

К вечеру мы успешно добрались до города, который, несмотря ни на что, продолжал жить привычной жизнью.

Сдавать пациентов в местный госпиталь я не видела смысла, скоро и отсюда всех будут спешно вывозить. Предусмотрительный Павел арендовал нам вместительное подворье почти на выезде из города. Большой старый сарай силами инвалидов сейчас превращался в импровизированный госпиталь. Благодаря неспешности и осторожности в пути осложнений у пациентов не было. Наоборот, некоторые уже чувствовали себя настолько здоровыми, что собирались узнавать месторасположение своих частей. Жениху даже пришлось беседовать с ними, «предположив», что большая часть армии наверняка прибудет к Смоленску, потому им следует просто немного подождать.

На следующий день с утра отправилась вместе с Ольгой в местный госпиталь представиться. Главврач, господин Плетин, принял хорошо и не был удивлён. Видимо, слух обо мне достиг и Смоленска. Вскорости, как я и предполагала, тут ожидали Виллие и прибытия ещё врачей из других частей империи. Сейчас лекарей здесь было больше, чем нуждающихся в лечении, потому большинство из них попивало в саду чай, неспешно беседуя и пережидая полуденное пекло. Туда господин Плетин и направил меня в сопровождении своего заместителя, с которым предварительно познакомил.

В беседе собралось довольно большое общество, особенно ярко на общем фоне выделялся мужчина лет тридцати, имевший вид денди.

– О нет, на триста рублей там и не прожить, что вы. Всё очень дорого. Содержать на эти деньги семью нет решительно никакой возможности. Только приличествующая частная практика, и никак иначе. Квартиры внаём столь дороги, что, право слово, найти недорогую меблированную комнату, которая в провинции и за жилище-то не почиталась бы, кажется верхом удачи. Потому без протекции, господа, никуда!

Дождавшись окончания данных словесных излияний, заместитель представил меня собравшейся компании как заведующую Могилёвским развозным госпиталем. И хотя подобные назначались командующим в сражении, после падения города, я им оказалась, как единственный лекарь, сопровождающий госпитальный караван.

Рассматривали меня все. Кто-то с интересом, кто с возмущением, но молча. Говоривший до этого денди встал и начал представлять присутствующих на правах «хозяина» местного общества. Нам предложили сесть, и Ольга примостилась рядом, окидывая всех пронзительным взглядом. Собравшиеся ей явно не нравились.

Как оказалось, не все присутствующие были врачами. Часть из них являлись чиновниками из различных ведомств. И хотя все всегда стремились в столицу, лучше от этого жить чаще всего не удавалось. Ведь оплачивать чиновничий труд вновь стали только с восшествием на престол «матушки» императрицы Екатерины Алексеевны. На тот момент середины восемнадцатого века довольно неплохие оклады были положены даже у низших чиновников – копиистов: от тридцати рублей в уездных городах до ста пятидесяти в столице. При ценах на хлеб в десять копеек за пуд в те времена – очень хорошее жалование.

Но после кончины императрицы курс бумажных денег, которыми в империи платили чиновникам, стал стремительно падать. И если при Екатерине II ассигнационный рубль равнялся серебряному, то во времена правления её сына он уже был в районе восьмидесяти копеек. На момент же моего попадания сюда за него не давали больше двадцати шести копеек серебром. Получается, что к данному времени положенное изначально по закону обесценилось до четверти номинала.

Многие, чтобы выжить, нанимались дополнительно служить лакеями, кучерами или швейцарами. Лакей в хорошем доме получал до пятисот рублей против канцелярского оклада в двести. Только в правление Николая Павловича жалование пересмотрят, оно вырастет до тысячи двухсот рублей и будет постоянно повышаться.

Естественно, обесценивание бумажных денег привело к удорожанию жизни, особенно в столице. Когда мы ездили в Петербург прошлой осенью, Павел узнавал о наёмном жилье, если бы мне пришлось надолго задержаться там. Убогая меблированная комнатка сдавалась не меньше пяти рублей в месяц, простенький обед в трактире – от двадцати копеек. Помню, как «бабушка» возмущалась потраченным в ресторане рублём.

Содержать только на государственное жалование семью чиновнику было совершенно невозможно. Посему повсеместно практиковали взятки, которые оказались даже признаны, хотя многие скатывались до банального казнокрадства. Что интересно, как поведали присутствующие, существовало чёткое деление доходов «от дел» на законные и незаконные. Из «корыстных» доходов правительство признавало законными денежные и натуральные подношения должностным лицам до начала дела («почести») и приношения после окончания дела («поминки»), но преследовало «посулы» (собственно взятки), которые расценивались как вымогательство и «скверные прибитки». Посулы, непосредственно связанные с нарушением закона, были крупнее почестей и поминок и достигали ста и более рублей, потому за них правительство сурово преследовало, виновники карались кнутом, невзирая на социальный статус взяточника.

Под неприязненным взглядом Ольги подобный разговор постепенно стих, превратившись в напряжённое молчание. Проведя некоторое время в тишине, я посчитала, что выйти на улицу уже можно, и мы откланялись, поспешив к ожидавшему в бричке Егору.

Несколько последующих дней прошли довольно спокойно. Многие пациенты быстро поправлялись, что радовало.

Пришедший к обеду Павел был молчалив. На мой вопрос о причине его плохого настроения он просто протянул мне листок, видимо, утром полученного послания. Неизвестный автор писал о происходящем в оставленном Могилёве. Как и ожидалось, попытки Багратиона оказались неудачными. Даву стал военным губернатором захваченного города... но радость местной шляхты оказалась недолгой. Собрав оставшихся помещиков, Даву выступил перед ними довольно пафосно, но выставил вполне ожидаемое требование... хлеб. Французским войскам требовалось продовольствие, и довольно много. Никто не собирался расшаркиваться с теми, кто ещё вчера приветствовал их приход.

Далее шли отчёты по деревням, принадлежащим Рубановским, в конце же было несколько строк и о Гурских. Впечатлённые словами Павла, а также получившие вовремя информацию о падении города крестьяне совершили невозможное, завершив жатву за несколько дней. В оставленных людьми деревнях обитали несколько совсем древних стариков, но не наблюдалось ни еды, ни сена. В некоторых сёлах разобрали даже овины.

– Чему же ты не рад? Всё сделано, как ты и просил.

– Понимаешь, *ma chère*, боюсь, всё это выглядит довольно подозрительно. И их скоро будут искать.

– Им можно как-то помочь? – такая мысль меня не на шутку встревожила.

– Если только вооружить.

– Но... охотников там немного. Это же простые селяне.

– Ну, вилами и дрекольем, думаю, они не плохо смогут «поработать». В лесу найти их нелегко, плотной группой к ним не подойдёшь... Глядишь, отобьются.

Павел пообещал, что наблюдающие будут проверять наши деревни и в случае проблем постараются помочь. Как поняла, в разных глухих местах были построены склады и при них находились небольшие группы охраны. Лезть к французам и как-то обнаруживать своё при-

существование им было строжайше запрещено, но для моего спокойствия жених был готов отдать приказ, противоречащий собственным планам.

Погода опять принялась «радовать» неожиданностями. При нестерпимой дневной жаре ночи стали невыносимо холодными. В обустроенном под пациентов сарае в срочном порядке возводились небольшие очаги, следить за которыми поставили дежурных.

Глава 7

20 июля 1812 года

В Смоленске начали появляться первые пленные французы. Мы натолкнулись на такую группу, когда ездили с Павлом по городу, старательно закупая пока ещё имеющиеся лекарства и корпию. Ужасно недовольный потерей аптекарского магазина в Могилёве жених старательно скупал всё, что может впоследствии понадобится, не гнушаясь даже настойками от кашля.

Небольшая кучка мужчин в потрёпанных голубых мундирах сидела на земле. Выглядели они довольно истощёнными и грязными. Некоторые «красовались» плохо замотанными кровавыми тряпками. Один так был явно чем-то болен. Рядом находились несколько наших вооружённых солдат, которые только раздражённо помахивали на тех прикладами в ответ на непонятные им просьбы.

– Там есть раненые, дорогой. Это... не по-христиански, – тихо обратилась я к Павлу.

– Я попробую поговорить, – вздохнув, ответил он и вылез из коляски.

Жених направился в рядом стоящий дом и отсутствовал минут пятнадцать. Наконец он вышел в сопровождении подтянутого прапорщика, выглядевшего довольно усталым. Павел представил меня ему как врача из госпиталя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.